

УДК 821.161.1 – 32 Брюсов. 09

Л.А. Дубинина

ПОЭТИКА НОВЕЛЛЫ В.Я. БРЮСОВА «ЗА СЕБЯ ИЛИ ЗА ДРУГУЮ?»: МОТИВЫ, ИНТЕРТЕКСТ, ЖАНР

До недавнего времени «проза поэта» В.Я. Брюсова, за исключением романа-мифа «Огненный ангел» (1908), была обделена вниманием литературоведов, поэтому исследование его новеллистики все еще остаётся актуальным. Первые шаги в осмыслении новелл, вошедших в сборник «Земная ось» (1907), обнаружили важную роль стилизации в их поэтике и авторской концепции, а также характерные для прозы символизма черты – мифопоэтику, интертекст, интермедальность, символические мотивы и др. [3; 5; 6; 7; 8]. Малую же прозу второго сборника «Ночи и дни» (1913), в том числе и новеллу «За себя или за другую?» (1910), принято рассматривать в связи с отказом Брюсова от стилизации и углублением в ней художественного анализа психологии женской души [3; 5]. Так, уже современный Брюсову критик полагал, что «За себя или за другую?» – «лучшая вещь из всего цикла», «отмеченная психологической правдой» (цит. по: [2, с. 445]). Подобный взгляд на эту, характерную для всего сборника, новеллу и у таких ученых, как С.С. Гречишкин и А.В. Лавров [3], отметивших, что в ней Брюсов воссоздаёт особым «гибким и простым языком... тончайшие изгибы мысли и чувства» [3, с. 17]. Х. Баран же уточнил, что Брюсов не просто обращается к психологии, а «пытается возродить фантастико-психологический компонент в праздничном рассказе» модернистского типа [1, с. 313]. При этом ученый, не прибегая к анализу поэтики брюсовского произведения, учитывал лишь приуроченность его публикации к Рождеству. Представляется, что новелла «За себя или за другую?» заслуживает более пристального внимания, поскольку ее поэтика обнаруживает особенности, способные уточнить представления о малой прозе Брюсова, вошедшей в сборник «Ночи и дни».

Повествование в новелле «За себя и за другую?» ведётся в третьем лице, но в аспекте героя – Петра Андреевича Басманова, который на заграничном курорте (в швейцарском городке Интерлакен) спустя 12 лет после разрыва с возлюбленной (Елизаветой Васильевной Свибловой) встретил женщину, как две капли воды похожей на нее, но называющей себя Екатериной Владимировной Садиковой. Суть внутренней коллизии героя состоит в мучительном разгадывании этой загадки: кто же на самом деле встреченная женщина. Поэтому повествование, передающее его субъективное восприятие происходящего, отличается повышенной эмоциональной окрашенностью. Кодирующую функцию начала, задающего экспрессию повествованию и динамику внутреннему сюжету, выполняет восклицание героя, содержащее одновременно и утверждение и сомнение: « – Она! Нет, конечно, она!» [2, с. 229]. Точка зрения героя доминирует до самого конца произведения, где она новеллистически неожиданно сменяется повествованием от лица героини в письме Басманову, врученном ему после отъезда загадочной «знакомой незнакомки». Новеллистичность финала усиливается развязкой внешнего и внутреннего сюжетов: героиня уезжает «неожиданно...не простившись с Басмановым, не предупредив его» [2, с. 236], а содержание её письма не только не разрешает загадку, но и усложняет её. Подтверждая факт мести герою, Садикова-Свиблова оставляет его не только перед вопросом «кто я такая», но и «за кого я мстила, за себя или за другую» [2, с. 236]. Второй вопрос предполагает какую-то неизвестную историю Садиковой, которая тоже навсегда останется *тайной* для героя и параболически возвращает к названию новеллы, структурно и концептуально завершая её. Мысль читателя, как и героя, не получив однозначного ответа, обречена на *бесконечное движение по кругу*. Кроме того, в финале возникает эффект умножения загадки и тайны, подобный отражениям в *зеркалах*, уводящих в бесконечную глубину.

Мотив *тайны*, коллизия и атмосфера, связанная с её напряженным разгадыванием, а также исключительность центрального события («роковой» встречи главного героя с неординарной женщиной), – всё

это вызывает ассоциации с романтической эстетикой и, в первую очередь, с «таинственными» новеллами Э. По. Модель *круга* обнаруживается не только в структуре новеллы, но и в каждой из пяти её главок, отражающих этапы безуспешного разгадывания героем загадки встреченной дамы. Так, первая главка заканчивается вариацией того же вопроса, что и началась: «неужели же он встретил её теперь вновь» и тем, что у него, «несмотря на все его самообладание, закружилась голова» [2, с. 230]. Подобное завершение, варьирующее исходную ситуацию, характерно и для всех остальных главок. Кроме того, в восприятии героя каждый очередной этап его взаимоотношений с Садиковой-Свибловой ассоциируется с *игрой* и *спектаклем*: « – Зачем мы играем в эту мучительную *игру!*» [2, с. 234]; «Началась вторая *игра*, быть может, еще более жестокая, чем первая» [2, с. 234] и т.д. (здесь и далее курсив мой – Л. Д.). Закругленные главки брюсовской новеллы запечатлели *действия* этого разыгрывающегося *спектакля*.

Мотив *зеркала*, отчетливо проявившийся в финале, тоже возник в самом начале новеллы и стал структурообразующим и концептуально важным. Художественный мир всех главок как бы зеркально дублируется: героиня одновременно существует и в реальности, и в памяти героя. Герой находится в замешательстве – отражение или оригинал он видит перед собой: «...не может быть двух женщин тождественных, как тождественны два отражения в двух смежных зеркалах!» [2, с. 229]. Если проводить параллель с новеллой Брюсова «В зеркале. (Из архива психиатра)» (1902), то можно заметить, что писатель разрабатывает этот мотив по-новому. Как такового рокового предмета (зеркала) нет, как нет и мира зазеркалья, – всё происходит в реальности, на швейцарском курорте. Но для главного героя эта реальность оборачивается призрачностью, порождающей двойников, вроде Садиковой-Свибловой, и обрекающей его на мучительный диалог с ними: «...этот поединок мысли и находчивости, эту борьбу двух умов, из которых один стремиться сохранить свою тайну, а другой усиливается ее вырвать» [2, с. 236].

Персонажи, как в зеркале, взаимоотражаются друг в друге. Теряется грань между Елизаветой и Екатериной, а в центре – Басманов,

разрывающийся между реальностью и воображением. Герой оказывается в ловушке: «Ему начинало казаться, что он сходит с ума. Вымысел и действительность для него сливались, смешивались. Минутами он терял понимание, кто он сам» [2, с. 236]. Герой не может понять, кто перед ним: «иногда же Басманова охватывало сомнение, и тогда он начинал *мысленно* замечать сотни маленьких особенностей, отличающих Екатерину от Елизаветы. Но достаточно ему было вновь *взглянуть в лицо* Садиковой, услышать её речь, чтобы все сомнения рассеивались, как туман. Он ощущал, он чуял душой, что это та, которую он любил когда-то» [2, с. 233-234].

Брюсов акцентирует внимание читателя на игре воображения и реальности, доводов чувства и разума Басманова, чтобы показать, насколько призрачен мир и как слаб человек перед ним. При этом писатель контрастно вырисовывает и сложность человеческой души. Подобные коллизии вызывают ассоциации с произведениями не только эпохи романтизма, но и маньеризма и барокко, подобных драмам «Ревнивая к самой себе» (ок. 1622) Тирсо де Молины или «Игра любви и случая» (1625) Кальдерона [4]. В то же время, и загадка природы любви, и сама возможность человека познавать призрачный и загадочный окружающий мир, оказываясь центральными проблемами новеллы Брюсова, обнаруживают автоинтертекст его собственных стихотворений («И снова ты, и снова ты...» (1900), «Я имени тебе не знаю...» (1900), сб. «Зеркало теней» (1912)) и – шире – литературы символизма [8, с. 75-77; с. 230-234].

Э.С. Даниелян, осмысляя стремление Брюсова к обобщенному символическому женскому образу, заметила, что «брюсовский символ находится в контексте общей для символистов сакрализации “женского начала”, выразившейся в таких понятиях, как Душа Мира, Жена, облеченная в солнце, Вечная женственность и т.д. Как и у них, служение своей “Прекрасной даме” выражается в любовно-эротической образности» [5, с. 55]. В то же время, как показали исследователи, прообразом Ренаты в «Огненном ангеле» послужила личность Нины Петровской, а в основу центральной коллизии этого романа-мифа легли ее сложные любовные отношения с Брюсовым

[5, 9]. Результаты исследования произведений, вошедших в сборники «Земная ось» и «Ночи и дни», и в том числе и новеллы «За себя или за другую?», тоже свидетельствуют об отражении личности Нины Петровской в образе героинь. Кроме того, образ Садиковой-Свибловой обнаруживает автоинтертекстуальную природу, так как в нем проявились черты героинь из таких новелл Брюсова, как «Мраморная головка» (1902), «Сестры» (1906) и др.

Садикова-Свиблова словно меняет маски и заставляет гадать об её истинном лице: «Как различить, где кончается притворство и начинается искренность? Мне хотелось тогда чувствовать сильно, и вот я позволяла себе делать вид, что я в отчаянии и безумии. Если бы на твоём месте был не ты, а кто-либо другой, я бы поступила точно так же. Но в то же время мне ничего не стоило овладеть собой, и не рыдать вовсе. *Ведь мы все в жизни – актёры, и не столько живём, сколько изображаем жизнь...*» [2, с. 235]. Здесь легко угадывается шекспировский интертекст – его общеизвестное изречение: «Весь мир – театр, а люди в нём – актёры». Одновременно в новелле обнаруживается интертекст романа Л. Толстого: как и Анна Каренина, в прошлом героиня была готова бросить всё ради всеобъемлющей роковой любви, но Басманов не смог оценить этого. Он испугался любви сильной женщины, потому что не мог дать ей взамен такое же чувство: «Елизавета готова была пожертвовать всеми условностями их “света”, умоляла Басманова позволить ей бросить мужа и прийти к нему; в обществе не только не стыдилась своей связи, которая, конечно, была замечена, но как бы гордилась ею. Никогда после не встречал Басманов любви столь самозабвенной, столь готовой на жертвы...» [2, с. 230].

В то же время, Садикова-Свиблова предстаёт жестокой и мстительной женщиной, подобной inferнальным героиням Достоевского, влекущей к себе героя и отравляющей его душу. Она – загадка, как блоковская Незнакомка: прекрасная звезда или падшая женщина? Автор оставляет тайну, разгадка которой известна только самой героине. Писатель акцентирует внимание на проблеме познаваемости глубинных тайн бытия и человеческого естества, которая была

одной из центральных в символистской эстетике и его собственном творчестве, что отразилось и в статье «Ключи тайн» (1904).

Кроме того, в новелле обнаруживается вариация такой важной для символизма проблемы, как жизнотворчество. Герой Брюсова не только гонится за призраком из прошлого, но и как бродяга из «Мраморной головки», раскаивается в былых ошибках и готов *исправить судьбу*. При этом он намерен явить миру себя другого, способного любить сильно и преданно: «Она, лучшая часть его уже почти прожитой жизни, ожившая, живая, она – воплощенная возможность *воскресить* то, что было, дополнить его, *исправить* его» [2, с. 231]. Однако в финале новеллистически неожиданным оказывается, что Садикова-Свиблова в его любви больше не нуждается, и исправить судьбу невозможно.

Таким образом, брюсовский повествователь, оставаясь предельно лаконичным и лишь контурно очерчивающим образы персонажей и сюжет, благодаря интертексту, позволяет читателю легко вписать в эти контуры хорошо известные характеры и события. При этом, на первый взгляд, Брюсов вроде бы отходит от стилизации, характерной для первого новеллистического сборника «Земная ось», и погружается в современный, близкий ему мир, изображая актуальную для него реальность. На поверхности художественной ткани его новеллы запечатлен современный писателю заграничный курортный городок с его пейзажами и ресторанами, где успешный адвокат пытается «переписать» историю своей любви. Заметим, что в отличие от праздничной (календарной) литературы, новелла Брюсова не только не вписана в сакральный хронотоп Рождества, но и никак с ним не соотносена. Это не позволяет согласиться с определением жанра рассматриваемой новеллы, предложенной Х. Бараном.

Зато, как показал анализ поэтики новеллы, благодаря гетерогенному интертексту, вызывающему ассоциации с претекстами литературы эпохи маньеризма, барокко, романтизма, реализма, символизма, сквозь внешний (современный) художественный слой новеллы «палимпсеста» просвечивают модели мира, характерные для искус-

ства прошлых времён. По сути, это тоже стилизация, но не явно выраженная. Представляется, что на новеллу «За себя или за другую?», вполне репрезентативную для второго сборника, можно посмотреть как на гетерогенный стилизованный модернистский текст, претекстом для которого послужил широкий круг произведений, знаковых для разных эпох. При всём бытовом жизнеподобии новеллы Брюсова, организация её многослойного и по-символистски многозначного художественного мира оказывается подчинённой раскрытию тайн души человека и мироздания.

Литература

1. Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм / Х. Баран // Поэтика русской литературы начала XX века: сб.: авториз. пер. с англ. ; [предисл. Н.В. Котрелева; общ. ред. Н.В. Котрелева и А.Л. Осовата]. – М.: ИГ «Прогресс» – «Универс», 1993. – С. 284-327.
2. Брюсов В.Я. Повести и рассказы / В.Я. Брюсов; [сост. вступ. ст. и прим. С.С. Гречишкин и А.В. Лавров, ил. и оф. А.А. Бахмановой]. – М.: Правда, 1988. – 484 с.
3. Гречишкин С.С. Брюсов-новеллист / С.С. Гречишкин, А.В. Лавров // Брюсов В.Я. Повести и рассказы. – М.: Правда, 1988. – С. 3-20.
4. Давыдова М.Ю. Тирсо де Молина / М.Ю. Давыдова // Западно-европейский театр от эпохи Возрождения до рубежа XIX–XX вв. ; отв. ред. М.Ю. Давыдова. – М.: РГГУ, 2001. – С. 130-139.
5. Даниелян Э.С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества [Электронный ресурс] / Э.С. Даниелян. – Ереван: Лингва, 2002. – 175 с. – Режим доступа: http://www.brusov.am/docs/Brusov_Danielyanpdf
6. Дубинина Л.А. «Роль стилизации в новеллах В.Я. Брюсова (сб. «Земная ось»)» / Л.А. Дубинина // Вісн. Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. Серія «Філологія». – 2014. – № 1107. – Вип. 70. – С. 129-132.
7. Козьменко М.В. Стилизация как фактор динамики жанровой системы / М.В. Козьменко, Д.М. Магомедова // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 77-148.
8. Ханзен-Лёве А. Русский символизм: Система поэтических мотивов: Ранний символизм / А. Ханзен-Лёве; [пер. с нем. С. Бомерло, А.Ц. Мацевича и А.Е. Барзака]. – СПб.: Академ. проект, 1999. – 512 с.

9. Царёва Н.А. Русский символизм: основные принципы и историософия (на материалах творчества Дм. Мережковского, В. Брюсова и А. Белого): монография / Н.А. Царёва. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. – 190 с.

Анотація

Л.А. Дубініна. Поетика новели В.Я. Брюсова «За себе або за іншу?»: мотиви, інтертекст, жанр.

Метою статті є уточнення уявлень про поетику новели В.Я. Брюсова «За себе або за іншу?», репрезентативної для прози, що увійшла до його збірника «Ночі і дні». Результати аналізу свідчать про важливу роль в цьому творі мотивів (таємниці, дзеркала, гри, кола та ін.) та гетерогенного інтертекста, що викликає асоціації з широким колом претекстів літератури епохи маньєризму і бароко (Тірсо де Моліни, Кальдерона), романтизму (насамперед, «таємничих» новел Е. По), реалізму (роману Л. Толстого «Анна Кареніна»), символізму (лірики А. Блока), а також автоінтертекста лірики та прози Брюсова 1900–1910-х років. Завдяки цьому, крізь зовнішній (сучасний) художній шар новели-«палімпсесту», як і у стилізаціях збірника «Земна вісь», просвічують моделі світу, характерні для мистецтва минулих часів. При всій побутовій життєподібності новели Брюсова, організація її багатощарового і багатозначного для символізму художнього світу виявляється підпорядкованою розкриттю таємниць душі людини і світобудови. Оскільки зображені в брюсовській новелі події не вписані у сакральний хронотоп Різдва, всупереч думці Х. Барана, вона не може бути віднесена до «календарної» прози.

Ключові слова: новела, інтертекст, мотив, гетерогенність, стилізація, символізм.

Аннотация

Л.А. Дубинина. Поэтика новеллы В.Я. Брюсова «За себя или за другую?»: мотивы, интертекст, жанр.

Целью статьи является уточнение представлений о поэтике новеллы В.Я. Брюсова «За себя или за другую?», репрезентативной для прозы, вошедшей в его сборник «Ночи и дни». Результаты анализа свидетельствуют о важной роли в этом произведении мотивов (тайны, зеркала, игры, круга и др.) и гетерогенного интертекста, вызывающего ассоциации с широким кругом претекстов литературы эпохи маньеризма и барокко (Тирсо де Молины, Кальдерона), романтизма (прежде всего, «таинственных» новелл Э. По), реализма (романа Л. Толстого «Анна Каренина»), символизма (лирики А. Блока), а также автоинтертекста лирики и прозы Брюсова 1900-1910-х годов.

Благодаря этому, сквозь внешний (современный) художественный слой новеллы-«палімпсеста», как и в стилизациях сборника «Земная ось», просвечивают модели мира, характерные для искусства прошлых времен. При всём бытовом жизнеподобии новеллы Брюсова, организация её многослойного и по-символистски многозначного художественного мира оказывается подчинённой раскрытию тайн души человека и мироздания. Поскольку изображенные в брюсовской новелле события не вписаны в сакральные хронотоп Рождества, вопреки мнению Х. Барана, она не может быть отнесена к «календарной» прозе.

Ключевые слова: новелла, интертекст, мотив, гетерогенность, стилизация, символизм.

Summary

L.A. Dubinina. The Poetics of the V. Bryusov's Short Story «For Herself or for Another?»: Motives, Intertext, Genre.

The aim of the article is to clarify the concepts of poetics of V. Bryusov's short story «For herself or for another?», representative of the prose, which is included in his book «Nights and days». The analysis results indicate the important role in this work motives (secrets, mirrors, games, circle, etc.) and heterogeneous intertext is associated with a wide literature pretext range of Mannerism and the Baroque era (Tirso de Molina, Calderon), romanticism (primarily «mysterious» Poe's short stories), realism (L. Tolstoy's novel «Anna Karenina»), symbolism (lyrics by A. Blok) and auto-inter-textuality of Bryusov's poetry and prose of 1900-1910s. Due to this, through the external (modern) art layer short story – «palimpsest», as in the stylizations of the collection «The Earth's axis», translucent model of the world of the art of the past. With all domestic lifelike of short story, its organization and the multilayer is multivalued symbolistic art world and is subordinate to disclosure of secrets of the man's soul and the universe. In Bryusov's short story depicted events are not written in the sacred Christmas chronotop, despite H. Baran's opinion, it can not be classified as a «calendar» prose.

Keywords: short story, intertext, motive, heterogeneity, pastiche, symbolism.

Інформація про автора

Дубініна Любов Анатоліївна – ORCID: 0000-0003-0397-4743; аспірантка кафедри історії російської літератури філологічного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна; майдан Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна